

Последние залы знакомят с известнейшими современными промыслами: они представлены не массовыми изделиями, а уникальными авторскими работами ведущих художников, подчас выполненными специально для Русского музея. Образной выразительностью и мастерством исполнения отличается каждое произведение холмогорских костерезов XX в. Многогранность таланта гжельских мастеров отражают не только новые изделия из фарфора, но и майолики, возрождаемой на промысле в последние десятилетия. Многообразие форм предметов и неистощимое богатство традиционного орнамента демонстрируют мастера хохломской росписи, развивающейся в г. Семенове и селах и деревнях Ковернинского р-на Нижегородской обл. На экспонируемых предметах можно видеть особенности развития этого уникального искусства в разные десятилетия XX в.

Глиняная и деревянная игрушка XX в. представлена лучшими образцами дымковской, богородской, филимоновской, абашевской, каргопольской мелкой пластики и менее известными – орловской, рязанской, калужской и др. Уникальные панно, скатерти и подзоры вологодского и киришского кружева, мстерской и крестецкой вышивки отражают достижения текстильных народных промыслов XX в.

Экспозиция народного искусства в Русском музее преследует не только познавательные цели. Сегодня, в эпоху разгула китча и всякого рода подделок “под народное” важно видеть подлинные ценности традиционного ремесла, понимать его высокий профессионализм, неповторимость мастерства, исторически сложившегося в конкретной местности. Судя по многочисленным отзывам, большинство посетителей воспринимают новую экспозицию не только как собрание предметов, во многих случаях ушедших из жизни, но и как особое достояние национальной культуры, бесценное духовное богатство народа.

Примечание

¹ Богуславская И.Я. Выставка “Народное искусство и его собиратели” // Этнограф. обозрение. 1993. № 3. С. 149–151.

И.Я. Богуславская

© ЭО, 2004 г., № 5

ЭКСПОЗИЦИЯ “НАРОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА И ПРИБАЛТИКИ. XVIII–XX ВВ.” В РОССИЙСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ: НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ

К 300-летию Санкт-Петербурга в Российском Этнографическом музее открылась новая экспозиция, посвященная истории и культуре 12 народов Балтийского и Баренцева регионов, издавна связанных между собой и игравших важную роль в истории Российского государства.

Экспозиция размещена в зале площадью около 500 м²; на ней представлено более тысячи памятников традиционной культуры XVIII–XX вв., а также около 200 редких фотоснимков и рисунков из собрания РЭМ. В формировании коллекций по этнографии прибалтийско-финских, балтских и германских народов принимало участие несколько поколений этнографов XX в., работавших в Музее или сотрудничавших с ним в качестве корреспондентов. В их числе известные исследователи, представители творческой интеллигенции, оставившие заметный след в этнографической науке и сложении ее источниковедческой базы: У.Т. Сирелиус, Э.А. Вольтер, А.А. Иванов, В.А. Плотников, М.А. Круковский, Р. Зариньш, И.А. Гальнбек, Н.Ф. Арпьев, А.М. Раевская, Д.Т. Янович, А.К. Сержпутовский, С.И. Сергель; а также замечательная плеяда отечественных этнографов и музейных деятелей 1920–1930-х годов: Д.А. Золотарев, В.В. Чарнолуцкий, З.П. Малиновская, Н.Ф. Прыткова, Л.П. Капица, Р.Ф. Габе, А.Л. Колобаев, С.Г. Гринина, М. Песелеп, Я.Я. Ленсу, Г.С. Маслова; их продолжатели Т.Т. Денисова, Д.А. Горб, З.Б. Предтеченская и др.

Авторский коллектив – О.М. Фишман (руководитель проекта), В.А. Галиопа, А.Ю. Заднепровская, М.Л. Засецкая, Н.И. Ивановская, Л.В. Королькова, О.А. Кондратьева; авторы дизайнерского проекта (В.М. Глазков и Б.А. Робенко; фотограф А.Л. Берман) и иллюстратив-

ных материалов (А.В. Медведев, С.Д. Медведева) – неслучайно приурочил экспозицию к юбилею С.-Петербурга; тем самым была акцентирована одна из отличительных черт города – его изначальная многонациональность. С середины XIX в. определяется также значительная роль столицы в становлении национальных общественно-политических и культурных движений народов Прибалтики и Финляндии. Насыщенная интеллектуальная жизнь города немало способствовала тому, что именно здесь появились первые национальные издательства и газеты на эстонском, латышском, финском языках, были созданы театральные коллективы, оформился целый ряд политических движений, способствовавших повышению уровня национального самосознания народов региона.

Многие века эти земли были своего рода перекрестком между Западной, Северной и Восточной Европой. Здесь в течение тысячелетий развивались контакты разных по происхождению и языку народов – прибалтийско-финских, балтских, славянских и германских. Уже с XII в. походы крестоносцев на Восток Европы привели к созданию орденов государств, включивших ливов, эстонцев, латышей и литовцев в сферу влияния западнохристианской культуры и истории.

Длительное иноземное владычество оказало сильное влияние на образ жизни, материальную и духовную культуру народов края. Передел территорий между сильными в то или иное время государствами, церковными и светскими властями сделали очевидной границу противостояния Востока и Запада, римско-католического, лютеранского и православного миров. Однако эта граница оказалась подвижной и изменчивой, особенно с XVIII–XIX вв., когда народы этих регионов вошли в состав Российской империи.

Эта краткая историческая преамбула разъясняет концепцию вновь созданной экспозиции.

Одна из главных целей заключалась в показе музейными средствами путей формирования и способов функционирования региональной культуры на протяжении XVIII–XX вв. Постановка данной цели обусловила необходимость регионального принципа построения экспозиции. Приступая к реализации нашего замысла, мы понимали, что должны создать экспозицию нового времени; был учтен опыт наших предшественников по организации постоянных экспозиций и временных выставок, а также концептуальные и дизайнерские искания последнего десятилетия в области музейного экспонирования¹. Важную роль в новом осмыслении материала сыграли современные достижения в области региональных исследований Северо-Запада и переоценка истории и этнической культуры прибалтийских народов. К слову сказать, отдел этнографии Северо-Запада и Поволжья РЭМ, сотрудники которого являются авторами-разработчиками экспозиционного проекта, уже с конца 1980-х годов участвуют в комплексных программах по региональному финноугроведению в С.-Петербурге². Это позволило отказать от ряда традиционных и отчасти устаревших приемов в создании этнографических экспозиций, расширить географию и хронологию показа: мы поставили задачу проследить наследие прошлого в образах и символах настоящего. В этом состоит оригинальность и отличие новой экспозиционной концепции от этнографических экспозиций, построенных на материалах XIX – начала XX в. и преимущественно в соответствии с монографическим – в духе 1950–1960-х годов – принципом подачи материала (основные и подсобные занятия; ремесла и промыслы; поселения и жилища; одежда; духовная культура).

Наряду с региональным принципом подачи этнической истории и культуры были использованы и два других: культурно-антропологический и конфессиональный. Первый дал возможность поставить во главу угла человека – представителя конкретной этнической общности, обладающего определенным социально-культурным статусом (рыбак, охотник, ремесленник; колдун, причитальщица, сказитель; невеста, жених, подруга невесты; персонажи Масленицы и Иванова дня; дети и старики). Культурно-антропологический принцип позволил обозначить приоритетную шкалу универсалий культуры, внутри которой согласно иерархии были очерчены региональные экоккультурные комплексы (“Море”, “Земля”, “Лес”, “Тундра”), а также наиболее важные и символические явления и формы традиционной культуры, при этом были акцентированы этнически специфические, что позволило избежать повторов при иллюстрации однопорядковых и сходных явлений (“Иванов день” у латышей, хотя он характерен и для литовской культуры, использование бересты у вепсов, хотя оно типично и для карел и т.п.). Этот же принцип использован и при отборе и демонстрации конкретных памятников культуры; мы обращали внимание только на специфические по форме предметы и комплексы вещей (например, сельскохозяйственные орудия и праздничная утварь в теме “Масленица”).

Использование конфессионального принципа построения экспозиции способствовало демонстрации христианских универсалий культуры, дающих, кроме того, своего рода “ключ” к

пониманию роли христианства в народной культуре и ее современной оценке. Рассказывая о тех или иных формах семейной и календарной обрядности, путем сопоставления и взаимодополнения мы показали наиболее яркие и своеобразные и вместе с тем общие черты традиционной культуры разных народов региона, исповедующих лютеранство, католичество, православие и старообрядчество.

Экспозиция состоит из “Введения” и четырех разделов.

Во “Введении” обозначена основная цель экспозиции. Для этого использованы: фотографии археологических памятников от мезолита до эпохи викингов, реконструкции раннесредневековых костюмов, картографические и геральдические материалы, справочные тексты о каждом из 12 народов, фотографии и персоналии ведущих деятелей национального просвещения.

Названия разделов (“Люди моря”, “Люди земли”, “Люди леса”, “Люди тундры”) отражают основные экокультурные комплексы и соответствующие им типы занятий местного населения: морские рыболовство и охота, а также судостроение; пашенное земледелие; лесные промыслы и ремесла; кочевое оленеводство. Каждый раздел включает темы, позволяющие осветить наиболее выразительные и своеобразные стороны этнической традиции народов-соседей, продемонстрировать генетическое родство ряда явлений культуры, а также историкокультурные взаимосвязи как в прошлом, так и в настоящем. Для построения экспозиционных образов был избран условно-сценический, или сюжетно-драматургический прием, дополненный визуально-тематическими комплексами или группами экспонатов.

При отборе для демонстрации тех или иных явлений культуры авторы руководствовались принципом адекватного отражения ими национальных традиций. Так, морское рыболовство иллюстрировалось в основном на примере эстонских, латышских и шведских материалов, а лесные промыслы и деревообрабатывающие ремесла – карельских, вепсских и финских. Внутри разделов предметные и иллюстративные материалы, фольклорные тексты подобраны в хронологической последовательности. Этот принцип показа очевиден уже в первом разделе – “Люди моря”. Визуально-тематический ряд создан конкретными комплексами рыболовных орудий; утварью для хранения и переработки рыбы; орудиями и приспособлениями для морской охоты на тюленя; инструментами для строительства парусных судов. Определенную динамичность придает всей сцене манекены конкретных персонажей: пожилая женщина за починкой сети в водской одежде, эстонский шкипер, шведские девочка и подросток с игрушечным парусником.

Сцену дополняют крупноформатные фотографии, смонтированные в несколько тематических блоков. Они создают важный документально-познавательный ряд, значительно расширяющий представление о поморской жизни: виды Балтийского и Баренцева морей, парусные суда, их строительство, продажа рыбы, рыбаки, мореходы, морские охотники. На противоположной стороне экспозиционного зала размещены праздничные костюмы латышей, литовцев, эстонцев, ингерманландских финнов. При их демонстрации художники использовали оригинальный подход: костюмированные манекены чередуются с выполненными в полный рост фотографиями людей, причем на всех фотографиях начала XX в. крестьяне сняты в фотоателье. Приемы, использованные при этом фотографиями – создание некоего сельского антуража в виде “задника” с пейзажем, размещение крестьянских орудий труда, утвари и т.п. были “переведены” в экспозиционный формат. Это позволило наряду с праздничными комплексами девичьей, женской и мужской одежды разместить наиболее знаковые предметы народного быта и искусства (расписные прялки и самопрялка, резные стулья, богато орнаментированные короба, пивные кружки). Совокупность этих экспонатов и народных костюмов свидетельствует о давних и глубоких процессах этнокультурного взаимообмена у народов балтийского региона, о сохранении архаичных компонентов в одежде, а также о сложении общих черт в крестьянской моде XIX в. Не остались без внимания и те комплексы костюмов, которые сложились под конфессиональным влиянием, в частности, лютеранских сект. С конца XIX в. и особенно во второй половине XX в. народный костюм выполнял у финнов, эстонцев, латышей и литовцев этнически- и граждански-знаковую роль.

Самый большой раздел экспозиции – “Люди земли” – включает пять тем: “Семейная обрядность: свадьба, родильно-крестильная и погребально-поминальная обрядность”; “Календарная обрядность: Масленица, Иванов день, Рождество”; “Калевала”; “Музыкальная культура и Праздники Песни” и “Ярмарка”.

Свадьба воспроизведена на примере одного из важных обрядов, символизировавшего изменение статуса новобрачной – расплетание косы у карел, вепсов, эстонцев-сету, ижор. Свадебные и праздничные костюмы, убранство избы, девичьи и женские головные уборы, ком-

плексы предсвадебных даров и атрибутов свадебного пира, фотографии иллюстрируют общие черты в свадебном ритуале православных народов.

В родильно-крестильной обрядности народов Северо-Запада существовало много близких представлений, на основе которых сформировались правила и нормы поведения, призванные обеспечить защиту беременной женщины и плода, новорожденного и роженицы от порчи, сглаза и злых духов. Об этом свидетельствуют экспонируемые обереги. Необходимый набор предметов таинства крещения у православных: крестильные крестики, полотенце, чепчики, рубашечка, пояс, Евангелие от Матфея на карельском языке, лубок с изображением Таинства, медные кацея*, иконы и складни образуют центральный комплекс темы (этнические традиции карел, вепсов, саамов, ижор, эстонцев-сету). Ограниченность экспозиционной площади потребовала скрупулезного отбора экспонатов, отражающих воспитание детей и подростков: детская посуда, различные типы игрушек, одежда, первые орудия труда. Фотографии последовательно иллюстрируют тему: от интерьера сельской церкви, где совершалось таинство крещения, до групп подростков.

Особенно устойчивыми у всех народов региона являются древние представления, магические приемы и действия похоронно-поминального цикла. Самыми архаичными поминальными комплексами остаются осенние дни поминовения усопших, в которых еще в первой четверти XX в. прослеживались следы древнего культа предков. Фотографии и экспонаты конца XIX в. и 1970–1980-х годов иллюстрируют основные этапы похорон, а также вселенских поминовений у католиков и лютеран Прибалтики – *День души* (латыши и литовцы) или *Время души* (эстонцы). Экспонируемые деревянная скульптура, металлический надгробный крест, полотенца, пояса, используемые во время похорон и для убранства надгробных памятников, детали поминальной и траурной одежды демонстрируют не только сохранение конкретных обрядов, преемственность их знакового оформления, но и этнически-гражданскую символику в явно протестных формах. Пример тому – фотографии, запечатлевшие могилы Б. Пилсудского, М. Чюрлениса и других известных деятелей литовской истории и культуры на кладбище Росу в Вильнюсе конца 1980-х годов в День поминовений с зажженными на них поминальными свечами.

Календарные праздники и обряды, в которых сохранились реликты архаичных форм культа плодородия и анимистических верований, представлены материалами наиболее ярких национальных и региональных традиций: Масленица (литовцы) и Иванов день (латыши, финны). Центральный условно-сценический комплекс воспроизводит на материалах 1980-х годов один из обязательных элементов праздника – шествие ряженных. Главный персонаж праздника, олицетворяющий проводы зимы – это соломенное чучело “старухи” Морэ с цепом в руках; оно размещено на колесе, укрепленном на полозьях саней. Среди других ряженных: Еврей, Смерть с косой, Черт, Коза, Медведь. В числе обязательных атрибутов карнавалов игр – маски, символизирующие борьбу масленицы и поста, “свадебную игру” (маски жениха и невесты). Все они сделаны в 1980-е годы сельскими мастерами – потомственными резчиками по дереву, благодаря которым традиции литовской резьбы не только сохранялись, но и активно развивались.

Важнейший летний праздник, связанный с солнечным культом и с почитанием огня и земного плодородия, – Иванов день иллюстрирует сцена встречи Ивановых гостей хозяевами дома у латышей. В Латвии праздник известен как Янов день или Лиго, он до сих пор широко распространен и является самым значимым национальным праздником. Главными его символами остаются Яновы венки из дубовых веток, полевых цветов и трав. Старинная и современная утварь (кувшины, блюда, кружки для пива) демонстрирует сохранность как традиций народной праздничной пищи, так и ремесел.

Фотографии, гравюры, атрибуты праздников, предметы декоративно-прикладного искусства, представляющие данную тему, позволяют не только сравнить прошлое и настоящее, но и увидеть наиболее явные и устойчивые символы праздничной культуры народов прибалтийского региона. Это положение подтверждает сцена “Рождество”, воспроизводящая убранство сельской католической церкви по случаю центрального события литургического года – Рождества Христова. Резное распятие, фигуры архангелов, Девы Марии, св. Иоанна Крестителя, евангелиста Марка, празднично убранный престол с подсвечниками, рождественское облачение священника, рождественская звезда и гирлянды из соломы, которыми украшают церкви и

* *Кацея* – кадило у старообрядцев: медная чашечка с длинной ручкой, увенчанная округлой крышкой, напоминающей церковный купол с крестом. См.: Байбурин А., Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения. Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. СПб., М., 2004. С. 215.

дома, вертеп (автор – современная художница Т. Мясникова), традиционно выставляемый для поклонения верующих, воспроизводит образ и атмосферу праздника.

Культ католических святых – впервые в экспозиции РЭМ’а столь полно – демонстрирует замечательная коллекция полихромной скульптуры работы литовских “богоделов” XVIII–XIX вв. Подлинные фотографии начала и конца XX в., документы и атрибуты таинства конфирмации, Пасхи, крестного хода убедительно свидетельствуют о той объединительной роли, которую сыграла христианская церковь в формировании универсальной картины мира и, вместе с тем, о своеобразных формах и способах ее отражения в народной культуре. Напомню, что католические праздники, процессии и ритуалы зачастую выражали дух гражданского протеста. Так было в XIX в., но и в 1960–1980-е годы они были знаком духовного неповиновения существовавшему национально-культурному и религиозному подавлению.

Заключительные темы раздела (“Калевала”, “Музыкальная культура и Праздники Песни”, “Ярмарка”) показывают уникальные формы духовной культуры, их особую историко-культурную и художественную роль. Ценность крестьянского искусства, песенного и музыкального фольклора народов региона была “открыта” учеными, писателями, художниками периода национального пробуждения. Для формирующейся идеологии народов, долго не имевших своей государственности, была характерна романтическая идеализация крестьянской культуры и быта. В этом общая историко-культурная черта развития крупных народов региона. Создание Э. Лённротом национального эпоса “Калевала”, появление эстонского “Калевипоэга” и латышского “Лачплесиса” было весьма символично, ибо характеризовало рост национального самосознания и отразило важный этап освободительного движения финского, эстонского и латышского народов. Став частью мировой культуры, каждый национальный эпос оказал большое влияние на становление национальных языков, литературы, в целом культуры этих народов.

Именно эту идею последовательно раскрывают эпизоды “Калевала”, старые и современные издания эпоса, музыкальные инструменты, фотографии исполнителей эпических произведений, музыкантов, участников Праздников Песни. Тема знаковых личностей – безымянных и известных – проходит сквозь всю экспозицию. Это и уже упоминавшиеся представители народного просвещения: учителя, художники, писатели, музыканты, чьи высказывания можно прочесть во Введении, это и народные сказители – рунопевцы, исполнители на народных музыкальных инструментах, причитальщицы XIX – первой трети XX в., колдуны, это и народные мастера – ткачихи, гончары, резчики по дереву и др.

Сцена “Ярмарка” свидетельствует об эволюции последней в XX в.; она приобретает отчетливо выраженные черты праздника национальной культуры, становится неотъемлемой частью праздников песни и танца сначала в Прибалтике, а затем и у прибалтийско-финских народов Северо-Запада России. На экспозиции представлены непрменные атрибуты подобных ярмарок – этнографические костюмы, изделия современного народного искусства. Авторам удалось убедительно показать огромную роль старого крестьянского искусства в истории и культуре народов Прибалтики.

Раздел “Люди леса” построен в основном на материалах вепсской, карельской и финской традиции. Мы постарались представить культуру леса как цельную систему. В связи с этим показаны ее материальные и сакральные составляющие: лес как “место охоты”, “подсечного земледелия”, “лесных промыслов”, “лесного пастушества”, “чужое место”. Разнообразные орудия труда и быта, выполненные из всех известных пород и видов древесных материалов демонстрируют общие архаические приемы изготовления и типы утвари. Как основной строительный материал дерево использовали для возведения не только жилых и хозяйственных построек, но и культовых сооружений: церквей, часовен, памятных и придорожных крестов, что иллюстрируют экспозиционные фотографии.

Профанные и тайные знания, связанные с лесными занятиями и промыслами, носители этих знаний: пастухи, охотники, колдуны; почитание священных рощ и деревьев, представления о духе-хозяине леса, роль леса в погребально-поминальной обрядности – все это отражают группы экспонатов, в том числе амулеты, атрибуты пастухов-колдунов, изображения “лесных хозяев”, тексты заговоров и фото. Центральными образами раздела являются фигура вепсского охотника и модель *карсикко* – почитаемого дерева. Особенности поведения в лесу, полезные свойства различных пород деревьев до сих пор составляют устойчивый корпус народных знаний у вепсов и карел.

Раздел “Люди тундры” впервые после 80-летнего перерыва знакомит посетителей музея с бытом и культурой саамов (лапландцы, лопари) – древнейшего населения крайнего Севера Европы. Уникальная коллекция РЭМ позволила показать основные особенности традицион-

ного хозяйственного уклада, максимально адаптированного к природным и климатическим условиям Севера у кольских, норвежских и финских саамов. Государственные границы не мешали им вести и в XIX в. привычный полукочевой образ жизни, связанный с сезонным чередованием занятий оленеводством, охотой и рыболовством. Акцент в разделе был сделан на иллюстрацию самобытности культуры на примере темы “Весенняя перекочевка”; об этом свидетельствуют комплекс средств передвижения – *кережа* – саамские однополосные сани, груженные сумками из оленьего меха и нерпы; оленья упряжь будничная и праздничная, в частности свадебная; лыжи, в том числе подбитые шкурами; ритуальная деревянная утварь, а также посуда для хранения оленьего молока, изготовления масла и сыра.

Костюм кольской саамки и финского саама дают представление о различных типах одежды и об общих компонентах и материалах для их изготовления. Этническое своеобразие народных ремесел раскрыто образцами резьбы по кости, ювелирными изделиями из серебра, шитьем и аппликациями из оленьего меха. Фотографии и рисунки запечатлели все виды занятий саамов, бытовые и обрядовые сцены, различные типы зимних и летних поселений, весенних и осенних промысловых стоянок, священные камни – *сейды*.

Таковы в целом тематический план выставки и ее отдельных разделов.

Для построения экспозиционного образа мы придерживались ряда приемов: символизма, образности, сюжетности и экспозиционной выразительности. Важную роль при этом сыграли художественно-пространственное построение, световая среда, тканые инсталляции (этноклуб “Параскева”), что придало более динамичное и ритмичное “звучание” экспозиции. Хочется обратить особое внимание на созданный музыкальный ряд из старых и современных фольклорных записей (автор В.Г. Пушкарев). Каждый раздел экспозиции сопровождается соответствующим музыкальным примером: так, в теме “Свадьба” звучат свадебные причитания эстонцев-сету, а в “Калевале” – старинные калевальские напевы в исполнении известных рунопевцев прошлого и современные аранжировки; песни латышского Иванова дня и литовской Масленицы, древние песни, записанные у саамов Кольского п-ова и Норвегии, вепские поминальные плачи, эстонские и шведские рыбацкие песни, популярные песни 1930-х годов и Праздников песни 1980-х годов.

При разработке структуры экспозиции и ее художественного решения мы постарались учесть фактор весьма радикально изменившегося визуального и звукового восприятия современного посетителя музея, в первую очередь молодежи и детей, выросших на рекламных и музыкальных клипах, компьютерных играх, не рассчитанных на развитие созерцательности и построенных на быстрой смене предметно-содержательного ряда. Отсюда более динамичный стиль построения экспозиции, более театрализованный способ подачи главных идей посредством ярких условно-сценических комплексов, предметных групп и инсталляций. Этот метод показа не нов для этнографических музеев, но сегодня он переживает второе рождение и наполняется новым концептуальным содержанием, раскрываемым с помощью новых технических средств.

Предложенное научное и экспозиционное решение представляется в настоящее время одним из возможных для показа региональной культуры в этнографических и краеведческих музеях.

Примечания

¹ Музейная экспозиция. Теория и практика. Искусство и экспозиция. Новые сценарии и концепции / Отв. ред.-сост. М.Т. Майстровская. М., 1997.

² *Фишман О.М., Калашишникова Н.М.* Научная деятельность РЭМ. 1980–2000 гг. // *Этнограф. обозрение.* 2002. № 6. С. 123–124.

О.М. Фишман